

УДК 929:51(470.41)(045)

*О.А. Хабибрахманова***СТОЛКНОВЕНИЕ С СОВЕТСКОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ: ПУТИ АДАПТАЦИИ ПРОФЕССОРА МАТЕМАТИКИ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Н. А. ПАРФЕНТЬЕВА**

В статье поднимаются проблемы профессиональной адаптации вузовской интеллигенции Татарской губернии / Татарской АССР в 1920–1930-е гг. В частности, изучены социальные практики профессора математики Казанского университета Н. Н. Парфентьева. Привлечение к исследованию комплекса архивных документов позволило раскрыть неоднозначную позицию вузовской интеллигенции по отношению к социальным изменениям, происходившим в профессиональной сфере. В изучаемый период наблюдается богатая палитра адаптивных практик, используемых учёными, начиная от демонстрации полной лояльности новой власти и заканчивая враждебным отношением ко всем советским начинаниям. Особый интерес вызывает позиция учёных, занимавших маргинальное положение. К ним относится Н. Н. Парфентьев. Учёный, часто демонстрируя лояльность к новой власти, смог использовать советские структуры и реализовать свой научный и профессиональный багаж в новых условиях. В статье доказано, что используемые проф. Парфентьевым адаптационные практики были свойственны целому ряду учёных, что привело к изменению их социально-профессионального пространства и способствовало формированию новой идентичности.

Ключевые слова: вузовская интеллигенция, адаптация, профессиональное пространство, Казанский университет, ученые, советская власть.

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-4-669-673

В 1918 — конце 1930-х гг. в трансформирующемся профессорско-преподавательском сообществе наметились социальные с глобальными последствиями. Столкнувшись с происходившими в стране изменениями, интеллигенция вынуждена была реагировать, отвечать на «вызовы» новой социальной реальности, адаптироваться к ним. Проблемы изучения вузовской интеллигенции в современной историографии не раз поднимали казанские учёные. А. А. Сальникова [5], А. Н. Бикташева [1, с. 149–165] реконструировали академическую жизнь казанских учёных, рассмотрели сложный процесс перестройки университета и выживания его членов в новых условиях. В последние годы историография пополнилась специальными серьёзными исследованиями о казанских учёных. Особый интерес представляет работа А. А. Литвина, А. А. Сальниковой и Е. С. Масловой [3], посвящённая профессору Казанского университета М. К. Корбуту. На основе архивных документов исследователи воссоздали социально-психологический портрет учёного, проследили противоречивый путь жизни и научной деятельности профессора Казанского университета. Попытки концептуального прочтения истории интеллигенции привели к поиску новых методологических подходов.

Поскольку адаптация — категория многоаспектная, в представленном исследовании этот термин представлен в его социокультурной интерпретации. Сущность социокультурной адаптации раскрывается через несоответствие устоявшихся культурных норм и ценностей, в данном случае — вузовской интеллигенции по отношению к новым культурным традициям, насаждавшимся советской властью.

В результате деформации профессионального пространства в 1920-е гг., учёные оказались перед угрозой размывания профессии. Преобразования, происходившие в высшей школе, часто воспринимались как деструктивные. Профессиональная деятельность учёного высшей школы неразрывно связана с педагогической практикой, где он может реализовать свой научный и педагогический потенциал. Поскольку революционные изменения коснулись всех сторон вузовской жизни, приходилось к ним адаптироваться, меняя прежние привычки и ценности, сформированные десятилетиями в педагогической практике. В противном случае учёный вынужден был покинуть стены вуза и расстаться с профессией. Случалось, что учёным удавалось ранее полученные знания, опыт и административный ресурс использовать в процессе адаптации и сохранить место службы.

Довольно часто, реагируя на изменения социального окружения, учёные использовали новые советские структуры для решения важных профессиональных и социальных задач. Такой путь *адаптации* прошёл известный учёный Казанского университета профессор-математик Николай Николаевич Парфентьев. На момент прихода советской власти он был уже именитым, состоявшимся учёным, имевшим серьёзный научный и преподавательский опыт. Учёный, принимавший активное участие в

жизни императорского дореволюционного Казанского университета, не остался сторонним наблюдателем за происходившими изменениями и при советской власти. Студент Д. Я. Мартынов вспоминал: «Парфентьев, едва ли не первый из старой профессуры стал сотрудничать с советской властью, в 1919 г. возглавил оргбюро созданного тогда при университете рабфака. Он же был первым представителем университета в горсовете» [4].

Практики освоения нового профессионального пространства, использовавшиеся Н. Н. Парфентьевым, представляют особый интерес для исследователя. Действительно, положение, которое удалось занять учёному, позволяло ему решать организационные и социально-бытовые проблемы эффективнее многих других коллег. В 1919 г., возглавив оргбюро рабфака, от которого многие коллеги Парфентьева сразу отвернулись, профессор совершал неоднократные поездки в Москву для решения важнейших вопросов устройства Казанского университета. При этом учёный действовал не в интересах новой власти, а защищал мнение Совета университета по административным преобразованиям вуза. Судя по многочисленным свидетельствам, на Парфентьева возлагали большие надежды и члены Совета университета. В постановлениях Совета можно прочитать: «Просить Парфентьева, как члена учёной делегации, приостановить проведение в жизнь этого мероприятия (речь идёт о закрытии физико-математического и историко-филологического факультетов университета), впредь до всестороннего освещения вопроса...» [2, ф. 4882, оп. 1, д. 2, л. 3об]. Возможно, благодаря стараниям Н. Н. Парфентьева, физико-математический факультет Казанского университета был сохранён. Тогда, в 1919 г., физико-математические факультеты были оставлены только в четырёх университетах страны: Московском, Ленинградском, Томском и Казанском.

Занимая позицию сотрудничества с новой властью, Н. Н. Парфентьев оставался верен традициям Императорского университета, что наглядно демонстрирует его поступок во время выборов ректора университета в начале 1920-х гг. Тогда, в 1922 г., по результатам выборов большинство голосов было отдано в пользу прежнего ректора, всеми уважаемого проф. А. А. Овчинникова. Но, власти выдвинули и утвердили кандидатуру Н. Н. Парфентьева, отмечая его заслуги в деле устройства рабфака, в работе советских органов власти. В те годы в практике строительства советского общества появилось много т. н. «выдвиженцев» — выходцев из низов и пролетарских слоёв населения, стремительно сделавших карьеру в обмен на лояльность к новой власти. Однако Парфентьева такая карьера не устраивала. Он не только отказался от ректорства в пользу А. А. Овчинникова, но и смог соблюсти все ритуалы дореволюционной высшей школы, связанные с приглашением на ректорство.

Активная жизненная позиция не позволила учёному оставаться в стороне и не использовать свои знания и опыт в новых условиях. В том же, 1922 г., проф. Н. Н. Парфентьев был выбран ректором Казанского института Сельского хозяйства и лесоводства [2, ф. 926, оп. 1, д. 30, л. 7]. Получив должность ректора института, профессор обрёл новый статус, он стал советским ректором, заняв довольно высокое социальное положение в советском обществе. Однако ни статус, ни положение не смогли изменить профессора, сделать его по-настоящему советским. Возможно, даже наоборот, используя своё высокое положение, учёный позволял себе довольно резко высказываться в адрес новой власти. Об этом свидетельствует докладная записка Н. Н. Парфентьева, составленная по случаю юбилея одного из учёных. Текст записки обнаружить не удалось (по-видимому, он был уничтожен). Но о содержании её можно догадываться по тому впечатлению, которое она произвела на членов Татглавпрофобра. В Правление Казанского университета поступило гневное послание из Совета по делам вузов Татглавпрофобра. Советские функционеры с возмущением писали: «Правление университета должно было очень внимательно отнестись к докладной записке проф. Парфентьева, трактующей о вопросе международного значения. Автор не выдержал строго делового тона в записке, допустив в конце её отступления, имеющие в корне необоснованную под собой почву, и определённо невыдержанный тон по отношению к высшей власти Татарской Республики» [2, ф. 3682, оп. 1, д. 541, л. 113]. Местные власти настолько были напуганы содержанием крамольного послания, что потребовали немедленно вернуть докладную записку: «Взять обратно и аннулировать конец докладной записки со слов: с грустью и так далее... до конца. Об исполнении прошу сообщить незамедлительно» [2, ф. 3682, оп. 1, д. 541, л. 113об]. Можно только догадываться о чём мог «с грустью» рассуждать автор записки, компрометируя тем самым власти Татарской Республики. Но, судя по другим высказываниям Н. Н. Парфентьева в тот период, обвинения были хлёсткими. Вот что писал Николай Николаевич в своей статье по случаю двухлетия рабфака: «В деле реформы наших школ русская революция себя не оправдала, в этом отношении она должна исправить свои ошибки» [2, ф. 1487, оп. 1, д. 17, л. 26]. Совсем уже «реакционные» взгляды профессора не могли остаться безнаказанными. Уже в 1924 г., через два года после назначения ректором, учёному предлагают оста-

вить эту должность. В протоколе частного совещания профессоров и преподавателей института сохранилась запись: «В виду имеющих место трений между ректором института Сельского хозяйства и лесоводства и общественными организациями, совещание находит временно удобным представить пост ректора другому лицу. В качестве кандидата — профессора А. И. Луньяка» [2, ф. 926, оп. 1, д. 35, л. 33]. Вскоре были назначены выборы нового ректора института; выдвигать свою кандидатуру на должность ректора Н. Н. Парфентьев отказался [2, ф. 926, оп. 1, д. 35, л. 33об].

Профессиональные навыки учёного оказались востребованы в стенах Восточно-педагогического института. В 1925 г. его выдвинули на должность заведующего учебной частью. В характеристике профессора значится: «Парфентьев имеет определённые заслуги в деле борьбы за пролетаризацию высшей школы... Кроме того, интересуется методическими вопросами и до настоящего времени состоит сотрудником Татнаркомпроса» [2, ф. 1487, оп. 1, д. 31, л. 42]. Послужной список профессора стал ещё внушительнее, когда его избрали деканом физико-математического факультета Казанского университета. Профессиональные навыки учёного в полной мере были реализованы не только в его многочисленных научных трудах, но и в работе физико-математического общества, организованного также в стенах Казанского университета. Долгие годы Н. Н. Парфентьев состоял членом книгоиздательской комиссии при Казанском университете. Уже в 1921 г., когда университет и его обитатели переживали самые сложные времена, заботой учёного были вопросы, связанные с возобновлением издания «Учёных записок Казанского университета» [2, ф. 1337, оп. 1, д. 30, л. 84]. Положение учёного позволяло ему обращаться напрямую в высшие эшелоны власти, чем он активно пользовался. Будучи ректором института Сельского хозяйства и лесоводства, Парфентьев неоднократно писал докладные записки наркому просвещения А. В. Луначарскому с просьбой решить профессиональные вопросы. «...Было бы хорошо ассигновать хотя бы небольшие средства на создание собственного печатного органа при институте... В интересах выработки собственных молодых научных работников и преподавателей — было бы желательно получить хотя бы небольшие средства для подготовки молодых людей к профессорскому званию» [2, ф. 926, оп. 1, д. 35, л. 9]. Занимая часто жёсткую позицию по отношению к новой власти, профессор решал материальные, административные и бытовые проблемы. В 1921 г. Н. Н. Парфентьев активно занимался вопросами устройства только созданного института Сельского хозяйства и лесоводства. Многочисленные докладные записки, написанные профессором, выдавали его истинное отношение к власти. В одной из них автор открыто заявлял: «Высшая школа нуждается в очень большой поддержке как со стороны Центральной власти, так и со стороны местных властей, но, нужно признаться, она не получает таковой в надлежащей мере ниоткуда...». Категоричные заявления Парфентьева часто заканчивались не менее категоричными требованиями: «Я настаиваю на том, чтобы институту одновременно, сразу, были отпущены авансы в значительном размере на организационную работу института специально» [2, ф. 926, оп. 1, д. 30, л. 29].

Непростой путь, пройденный Н. Н. Парфентьевым, был связан и с активной работой по социальному обеспечению вузовской интеллигенции. Профессор был выбран председателем профсоюзной организации Секции научных работников при Казанском университете [2, ф. 1487, оп. 1, д. 31, л. 47]. Заботой профессора были вопросы промышленного и продовольственного обеспечения, распределения жилья и организация отдыха учёных. И здесь Парфентьеву удавалось использовать административный ресурс и помогать учёным. В частности, известно, что Секция научных работников обеспечивала только учёных-общественников, вставших на сторону советской власти, другие учёные не имели права стать членом профсоюзной организации, а, следовательно, и претендовать на дополнительное обеспечение. Не мог Н. Н. Парфентьев принять дискриминационные действия властей по разделению учёных на категории, потому и помогал многим, пытаясь обойти советские инструкции. Неоднократно он обращался в Квалификационную комиссию с тем, чтобы провести молодых учёных в члены Секции научных работников. Примером может служить дело молодого учёного В. Д. Егорова, которого профессор настойчиво рекомендовал включить в состав члена Секции научных работников [2, ф. 644, оп. 2л, д. 105, л. 59]. В 1930-е гг. проф. Н. Н. Парфентьев становится членом другой организации, занимавшейся обеспечением только выдающихся научных работников: Комиссии содействия учёным. В 1932 г., выступая на заседании Комиссии, он вновь отстаивал интересы профессорско-преподавательской корпорации: «Я хотел бы обратить внимание на некоторые трудности. Т[ов]. Ягудин правильно говорил, что наше развитие, рост требуют новых людей... Здесь стоят трудности в том смысле, чтобы дать научным работникам работать по-новому. Комиссия содействия учёным может быть сумеет разрешить такую задачу, которая неразрешена — установить большой кон-

такт с заграницей для получения литературы и аппаратуры». Очень тонко удавалось учёному использовать политическую риторику власти о воспитании нового человека в интересах научной интеллигенции. Профессор, казалось бы, и приветствовал все начинания советской администрации, но в то же время пытался сохранить профессиональные традиции старой высшей школы, выдавая их за новые. В результате ему удавалось приспосабливаться к новым, советским условиям, принципиально не меняя своей идентичности, лишь отчасти корректируя формулировки. Скончался Н. Н. Парфентьев в военном 1943 г., в возрасте 66 лет, оставив после себя багаж научных знаний в области теоретической механики и доброе отношение коллег, которые говорили о нём: «Очень отзывчивый и внимательный человек» [2, ф. 1487, оп. 1, д. 31, л. 58].

Предложенные советской властью границы институционализации вылились в любопытные адаптационные практики. В изучаемый период предпринимались попытки использовать свой профессиональный багаж. Несмотря на существовавшие сложности, учёным удавалось конвертировать часть своих умений в новом профессиональном пространстве, часто проявляя гибкость, использовать ранее накопленные знания. Когда единственным умением и источником дохода учёного интеллигента долгие годы была научная и преподавательская деятельность, то выбор был очевиден. Необходимо было адаптироваться. Учёные вынуждены были отвыкать от прежних процедур и правил, норм и ценностей. Но, сохраняя дореволюционную идентичность, они пытались быть в фарватере преобразований. Все эти изменения сопряжены с рождением целого ряда поведенческих практик, повлёкших за собой изменение социально-профессионального пространства и самих учёных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бикташева А. Н. Вместо императорского — государственный: 1922–1929 гг. // Очерки истории Казанского университета / под общ. ред. И. П. Ермолаева. Казань, 2002. С. 167–178.
2. Государственный архив республики Татарстан (ГА РТ) [ф. Р-4882 — Рабочий факультет КГУ им. В. И. Ульянова-Ленина, 1920–1929 гг.; ф. Р-926 — Казанский ордена «Знак Почёта» сельскохозяйственный институт им. А. М. Горького, 1918–1981 гг.; ф. Р-3682 — Народный комиссариат просвещения Татарской АССР, 1920–1945 гг.; ф. Р-1487 — Казанский государственный педагогический институт, 1918–1976 гг.; ф. Р-644 — Татарский областной отдел союза работников просвещения, 1919–1934 гг.].
3. Литвин А. А. Жизнь и судьба «красного» профессора: Михаил Ксаверьевич Корбут (1899–1937). Казань, 2009. 125 с.
4. Мартынов Д. Я. Недавнее былое // Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского государственного университета, ед. хр. 10103, 29 л.
5. Сальникова А. А. Революционные потрясения: 1917–1922 // Очерки истории Казанского университета / под общ. ред. И. П. Ермолаева. Казань, 2002. С. 149–165.

Поступила в редакцию 04.02.2019

Хабибрахманова Ольга Аркадьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и социологии
ФГБОУ ВО «Казанский государственный медицинский университет»
426034, Россия, г. Казань, ул. Бутлерова, 41
E-mail: olgaah@yandex.ru

O.A. Khabibrahmanova

**COLLISION WITH THE SOVIET REALITY: WAYS OF ADAPTATION
OF PROFESSOR OF MATHEMATICS OF KAZAN UNIVERSITY N.N. PARFENTJEV**

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-4-669-673

The article raises the problems of professional adaptation of university intelligentsia of the Tatar province/Tatar ASSR in 1920–1930s. In particular, the social practices of Professor of Mathematics of Kazan University N.N. Parfentjev are studied. Involvement of the complex of archival documents in the research allowed revealing the ambiguous position of the university intelligentsia in relation to the social changes that took place in the professional sphere. During the period under study, there is a rich palette of adaptive practices used by scientists, ranging from demonstrating full loyalty to the new government and ending with a hostile attitude to all Soviet initiatives. Of particular interest is the position of the scientists who occupied a marginal position. These include N. N. Parfentjev. The scientist, often demonstrating loyalty to the new

power, was able to use the Soviet structures and realize his scientific and professional luggage in the new conditions. The article proves that the adaptation practices used by Professor Parfentjev were characteristic of a number of scientists, which led to changes in their social and professional space and contributed to the formation of a new identity.

Keywords: university intelligentsia, adaptation, professional space, Kazan University, scientists, Soviet power.

REFERENCES

1. *Biktasheva A. N.* Vmesto imperatorskogo — gosudarstvennyj: 1922–1929 gg. [Instead of imperial — state: 1922–1929] Oчерki istorii Kazanskogo universiteta / pod obshh. red. I. P. Ermolaeva [Sketches of a history of the Kazan University]. Kazan, 2002. pp. 167–178. (In Russian).
2. Gosudarstvennyj arxiv respublik Tatarstan (GA RT). (in Russian, unpublished).
3. *Litvin A. A.* Zhizn' i sud'ba "krasnogo" professora: Mixail Ksaver'evich Korbut (1899–1937) [Life and destiny of the "red" professor: Michael Ksaverjevich Korbut (1899–1937)]. Kazan, 2009, 125 p. (In Russian).
4. *Martynov D. Ya.* Nedavnee byloe [Recent former]. Department of rare books and manuscripts of the N. I. Lobachevsky Scientific Library of Kazan State University, storage unit 10103, 29 s. (in Russian, unpublished).
5. *Sal'nikova A. A.* Revolyucionnye potryaseniya: 1917–1922 [Revolutionary shocks: 1917–1922]. Oчерki istorii Kazanskogo universiteta / pod obshh. red. I. P. Ermolaeva [Sketches of a history of the Kazan University]. Kazan, 2002, pp.149–165. (In Russian).

Received 4.02.2019

Khabibrahmanova O.A., Candidate of History, Associate Professor of the Department of History,
Philosophy and Sociology
Kazan State Medical University
Butlerova st., 41, Kazan, Russia, 426034
E-mail: olgaah@yandex.ru